

Рациональное и иррациональное в традиционном сознании

Рациональность как одна из важнейших ценностей европейской цивилизации принадлежит к числу тех духовных достижений человечества, которые во многом определили направление его развития. Однако кризис классического варианта рациональности заставляет нас обратить внимание на иной, в частности, традиционный ее тип. Особенности традиционных (аграрных) обществ, состоящие в ориентации на сохранение и поддержание существовавших веками структур деятельности и сознания породили по отношению к себе негативизм и отрицание эволюционной перспективности со стороны новоевропейской философии и социально-гуманитарной науки. Последние долгое время практически отрицали наличие серьезного рационального содержания земледельческой деятельности в доиндустриальную эпоху, не находя в ней одного из важнейших критериев рациональности – высокой эффективности (производительности). Нерационально устроенной представлялась крестьянская община – базовая форма организации аграрного производства и важнейшая социальная общность.

Эта научная традиция является порождением европоцентризма Нового времени, не учитывающего культурной специфики, присущей земледельческим обществам. Между тем, они располагают уникальным историческим опытом гармонического взаимодействия в рамках системы «человек – общество – природа». «Бум» исследований, посвященных аграрной проблематике в Западной Европе и США в 60-е – 70-е годы XX века, во многом связан именно с интересом находящейся в кризисном состоянии цивилизации к целостному видению природы и общества в земледельческих культурах. При этом данный кризис можно рассматривать и как кризис механистического рационализма, ищущего новые – органические – пути развития.

В XX веке выяснилось, что предсказанное еще творцами классической политэкономии Смитом и Рикардо исчезновение аграрных обществ состоялось лишь в странах Запада. В остальном мире продолжал существовать «неудобный класс», делавший весьма проблематичной применимость познавательных схем рационалистической политэкономии к обществам, лежащим вне цивилизационных границ Западной Европы. Специфика этих обществ состоит в рациональности органического типа. Не выработав еще развитого научного мировоззрения, они смогли интуитивно выстроить те оптимальные принципы в отношениях с природой и внутри общества, которые в науке были сформулированы много позже. Особенность данного опыта состоит в том, что его ценностное содержание еще не могло быть рационально зафиксировано и закреплено в сознании, носившем донаучный характер, поэтому в процессе разрушения традиционной культуры в целом и этот опыт, как ее органическая часть, постепенно утрачивается. Однако парадокс заключается в том, что от-

ношения в рамках системы «человек – общество – природа» в аграрных культурах парадоксальным образом оказываются более рациональными с точки зрения сохранения среды обитания и поддержания социальной устойчивости, нежели механистическая рациональность индустриального общества

«Экологичность» традиционных культур, как важнейший элемент их рациональности, базируется на отношении к природе как к «живому существу». В таком «естественном» сознании могли быть реализованы только действия, которые получали «одобрение» природы, вовлекали ее во взаимодействие не в качестве пассивного объекта воздействия, а в роли активного субъекта, обладающего специфическим характером. Человек должен был соизмерять свои потребности с возможностями природы, соответствовать им, осознавая это, он выработал множество запретов, охраняющих среду обитания от неразумных посягательств. Аксиологическое содержание данного опыта заслуживает внимания. Это та мудрость, которой так недостает современной техногенной цивилизации.

Природная среда для земледельца выступает в качестве необходимой предпосылки его рациональной деятельности. И труд его всегда находился в феноменальной зависимости от этой среды. Даже в XX веке, с его крупными научно-техническими достижениями и технологиями, ослабившими эту зависимость, аграрная сфера так и не стала (вопреки желанию многих «теоретиков») отраслью промышленного производства. В не столь же отдаленном прошлом данная обусловленность была гораздо более жесткой. Ее можно сравнить с помощью метафоры – шахматной партии, в которой человек играет с природой. При этом природа всегда «играет белыми», и своим «правом первого хода» (температурные режимы, нормы осадков и т.д.) каждый раз ставит перед человеком новую непредсказуемую задачу, решить которую он может, опираясь только на свой разум и опыт прошлых поколений. Чтобы не проиграть очередную «партию», земледелец должен точно соизмерять свои цели и задачи, исходя из конкретных условий.

Как и каждый игрок, продолжительное время встречающийся со знакомым соперником, крестьянин изучил («излюбленные приемы», «ходы») капризной природы и выработал свою систему опытного знания, призванную страховать жизнь от природных случайностей. Она представляет собой тот удивительный по своей обширности и глубине комплекс знаний и опыта, который именуется народной мудростью и считается одним из важных источников становления собственно философской мысли. В частности, уже один из первых античных поэтов архаического периода (VIII в. до н. э.) Гесиод в поэме «Труды и дни» предпринял попытку обобщить аграрный опыт земледельцев-эллинов, выступил как первый «теоретик» земледелия. И хотя эти знания не выходили за рамки эмпирического опыта, в них была «схвачена», сконцентрирована самая сущность важнейших для земледельца предметов и явлений.

Ставшая практическим выражением этого опыта народная агрономия как органическая часть народного сознания представляет собой многослойное духовное образование, в котором синкретическим образом представлено различное отражение земледельческой практики. В ней можно выделить три

основных уровня, типа знаний: 1) рецептурно-технологическое знание, явившееся изложением предписаний к деятельности, т.е. описание приемов труда и деятельности субъекта; 2) технологическое знание, сформировавшееся путем описания земледельческих объектов; 3) народная сельскохозяйственная мудрость, рассматриваемая в агрономическом аспекте. Наука не может игнорировать этот опыт, который накапливался столетиями. Она должна его теоретически осмыслить, выявить в нем рациональные связи и закономерности, поставить на фундамент строгой обоснованности.

Рациональность в традиционной культуре реализуется, прежде всего, в земледельческой деятельности. Трудно себе представить ее организацию, основанную на неэффективных для общества (общины как целого) принципах, отрицая многотысячелетний опыт взаимодействия человека и природы. Взаимодействия в условиях, когда от эффективности деятельности зависело само физическое существование человека. Специфика традиционной рациональности обусловлена и традиционной культурой в целом.

Возникновение производящей экономики является важнейшим этапом на пути относительного преодоления зависимости человека от природы, т.к. сама неолитическая революция стала в определенной степени рационализацией взаимоотношений между человеком и природой. В аграрном обществе стало возможным систематическое накопление более глубоких знаний о более широком круге предметов и явлений природы, нежели в обществе первобытных собирателей и охотников.

Жесткая многовековая зависимость самой жизни человека на земле от не вполне подлежащей рациональному регулированию природы и отсутствие постоянной, устойчивой корреляции между количеством и качеством вложенного труда, с одной стороны, и результатами этого труда, с другой, оставляли значительное пространство иррационального в его сознании. Постоянная угроза скатывания даже с уровня обеспечения минимальных физиологических потребностей, с одной стороны, способствовала накоплению уникального опыта выживания, но, с другой, в определенной степени препятствовала формированию новообразований сознания, т.к. новшество это всегда определенный риск, которого крестьянин позволить себе не мог. Выход за рамки веками проверенных традиций для такого сознания означал наступление непредвиденных последствий. Эти традиции выполняли функцию «гаранта» и опоры в постоянно грозившем гибелью мире.

Существованию иррационального способствует уже само отражение результатов земледельческой деятельности в сознании. Недостаточная гарантированность ее результата, зыбкость существования должны были дополняться в сознании чем-то, что компенсировало бы для него определенный недостаток рациональности. Мифология с этой точки зрения представляет собой грандиозную «реакцию» на сопротивление природы человеческой деятельности, способ «привлечения» ее на свою сторону.

Органическая включенность земледельца не только в социальную, но и в природную среду, как фундаментальное основание его бытия детерминирована прежде всего слитностью природных и земледельческих циклов, порож-

дающих цикличность мировосприятия людей, цикличность крестьянского времени. В то же время она послужила основой первых историсофских концепций. Построенная таким образом аграрно-календарная обрядность была направлена на воспроизводство крестьянского социума, поддержание автономности крестьянства.

История свидетельствует об удивительной «живучести» народной духовной культуры, демонстрирующей способность имплицитно включать в себя, до определенного момента приспособлять к своему содержанию влияние, идущее извне. Даже в промышленном обществе, где крестьянство, по мысли Гегеля, теряет свою субстанциональность, оно все же не исчезает бесследно. Растворяясь в индустриальной цивилизации, оно надолго оставляет неизгладимый след в сознании общества. Вероятно, именно это является основной причиной, по которой мы должны иметь объективное представление о том, каково же содержание крестьянского сознания.

Зачастую крестьянская ментальность, к сожалению, представляется для формально-логического механистического мышления эклектической совокупностью «антиномий» истинной веры и безбожия, приземленного прагматизма и наивного утопизма, крайнего индивидуализма и эгалитаризма, бунтарства и рабской покорности и других противоречий. Непонимание этого стоило российской культуре многих трагедий, которых можно было избежать, если хотя бы некоторой части «мыслящего общества» было доступно понимание того, что рядом существует «безмолвствующее большинство» — крестьянин, которого нужно уметь слышать и понять, и общество, значительно отличающееся характером и темпом своего развития. Сознание его устроено не по метафизическому принципу «либо-либо», а основывается на принципе взаимодополнительности — принципе более сложном, но и более отвечающем парадигме бескровного эволюционного развития.

В настоящее время перед философией стоит задача перехода к «новому» — постнеклассическому типу рациональности. Составной частью этого процесса должна стать научная реабилитация (а за ней должна последовать реабилитация в общественном сознании) так называемых «нерационалистических культур». Представляется недостаточно оправданной долгое время существовавшая традиция занижения их культурно-исторического статуса, которая породила разрушительные идеи их насильственной реконструкции — рационализации. Трудность поиска путей синтеза классической рациональности и рациональности традиционного общества заключается не в «препятствующей прогрессу» «иррациональности» традиционных менталитетов, а, скорее, в технократически-утопическом мышлении «революционно» настроенных мыслителей и преобразователей. Упорное игнорирование ими уникальности аграрной культуры — не менее загадочный научный и культурный феномен, чем само крестьянское сознание.

Одновременно и крестьянское сознание должно быть постепенно, в ходе своей эволюции, обогащено классически-рациональным содержанием. Конечным результатом этого процесса должна стать ликвидация той по истине трагической несовместимости и непонимания «большой» и «малой» традиций в культуре, которая, к сожалению, до сих пор присутствует в российском обществе.